

КАДРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ КООПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В 1920-х - НАЧАЛЕ 1930-х гг.*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00105а.

THE PERSONNEL OF THE PRE-REVOLUTIONARY
COOPERATIVE UNIONS IN THE SOVIET SYSTEM
OF COOPERATIVE MANAGEMENT OF SIBERIA
IN THE 1920's - EARLY 1930's

A. Nikolaev

Annotation

In the article on the basis of new archival documents is proved, that the footage of the pre-revolutionary cooperative College worked in the apparatus of Siberian and Central cooperative unions in the status of members of the management boards and heads of departments until 1930, while under the supervision of the organs of the OGPU. They belong in the past to the parties of the Mensheviks and the social revolutionaries, and their orientation to the market principles of work are the basis for political and criminal prosecution in 1930–1931. With the loss of the frames of the old school the cooperation has lost market techniques and methods of work.

Keywords: Cooperation, Siberia, Siberian and Central cooperative unions.

Николаев Александр Алексеевич
Д.и.н., гл. научный сотрудник,
Институт истории
Сибирского отделения РАН

Аннотация

В статье на основе новых архивных документов показано, что кадры дореволюционной кооперативной школы работали в аппарате управления Сибкрайсоюза и Центросоюза в статусе членов правлений и руководителей отделов до 1930 г., находясь под наблюдением органов ОГПУ. Их принадлежность в прошлом к меньшевистским партиям стали основанием для политического и уголовного преследования в 1930–1931 гг. С потерей кадров старой школы кооперация утратила рыночные приемы и методы работы.

Ключевые слова:

Кооперация, Закупсбыт, Сибкрайсоюз, Сибирь, Центросоюз.

Один из ключевых аспектов историко-кооперативных исследований – представительство и деятельность кооперативных кадров дореволюционной школы в советской системе кооперативного управления (по ленинской терминологии – "использование буржуазных кооператоров") до сих пор не получил достаточно полного освещения в отечественной историографии. Наибольшее число публикаций относится к периоду революции и Гражданской войны, когда вопрос о захвате управленческих полномочий большевиками приобрел откровенно политический характер. Формы и методы этой борьбы нашли отражение в работах Л.Е. Файна, который одним из первых, опираясь на документы Политбюро РКП(б), показал взаимную непримиримость новой власти и руководства кооперативных союзов по принципиальным основаниям [16]. Захватив полномочия в верхних этажах центрального кооперативного управления, новая власть не могла обойтись без опыта квалифицированных кадров в организации хозяйственной и торгово-заготовительной деятельности, не подвергнув тем самым большому риску политические итоги Гражданской войны и успешность реализации новой экономической

политики. Но вопрос о том, каким оставалось представительство старых кооперативных кадров в советской кооперации и до какого времени они были востребованы, оставался до сих пор неясным. Преобладающая в историографии точка зрения ограничивала время пребывания старой кооперативной гвардии в аппарате кооперативного управления серединой 1920-х гг. Новые архивные источники, которые до сих пор не вводились в научный оборот, позволяют пролонгировать этот срок. Наиболее значимыми в корпусе этих материалов представляется доклад Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о деятельности "антисоветских элементов" в аппарате Сибкрайсоюза, с которым И.В. Сталин лично ознакомился в начале января 1928 г. [13, л. 27–44], докладная записка комиссии по проверке кооперативного управления "Об итогах чистки аппарата Центросоюза" от 13 июня 1930 г. [6, л. 3–19] и дело "О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Госбанке", следствие по которому проходило в Новониколаевске в первой половине 1931 г. [1].

После окончания Гражданской войны многие кадры

дореволюционной формации подверглись арестам, так как выражали несогласие с новой кооперативной политикой. Первая волна замены опытных кооперативных кадров на новых советских выдвиженцев прошла с конца 1919 – по начало 1921 г. Кооператоры арестовывались органами ВЧК по подозрению в сотрудничестве с белыми и обвинялись в попытках организовать продажу товаров по спекулятивным ценам. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией кооперативной работы, что в условиях послевоенной разрухи могло нанести непоправимый урон новой государственной власти. После вмешательства центральных властей и личных распоряжений Ф.Д. Дзержинского аресты приостановились и многие кооператоры вернулись на руководящие должности, но не в качестве первых лиц. Они заняли по преимуществу должности членов правлений или заведующих отделами, а также стали выполнять второстепенную управленческую работу. В составе Сибирского отделения Центросоюза статус членов правления сохранили В.Н. Остальцев, К.Г. Петунин, П.И. Швейцер и др. Они восполнили дефицит кадров, образовавшийся в результате эмиграции значительной части бывших руководителей Союза сибирских маслодельных артелей, Закупсбыта и Синкредсоюза (А.Н. Балашин, К.И. Морозов, Ф.А. Савченко, А.В. Сазонов, А.А. Трутнев и др.) [10, с. 33–40].

Не вызывает сомнения, что кадры дореволюционной кооперативной школы, на практике придерживавшиеся кооперативных принципов и ценностей, определили позитивный тренд развития российской кооперации в условиях нэпа. Они стремились восстановить экономику на основе освоенных уже приемов и методов хозяйствования. Убедительным свидетельством ориентации на рыночные принципы кооперативной работы являлся доклад члена правления Центросоюза К.Г. Петунина (член правления Закупсбыта в 1918–1920 гг.) на совещании руководителей губсоюзов по вопросам кооперативной торговли и экспорта льна в Москве 1 августа 1924 г. [11]. Докладчик в деталях инструктировал кооперативный актив о переходе на коммерческие методы заготовок и сбыта сельскохозяйственной продукции. Работа по товароснабжению деревни и закупкам сельскохозяйственных продуктов, по мнению К.Г. Петунина, должна строиться на принципе комиссионно-посреднических отношений во всех звеньях системы. Комиссионный принцип должен превратить кооперативные центры в служебно-исполнительные органы, пробудить инициативу снизу. Функциями кооперативной системы должны стать организация сбыта на внутреннем и внешнем рынках, финансирование заготовок, организация контроля над техникой обработки товара. Первые две функции будет выполнять союзная система, а последнюю – приведение товара в стандартное состояние – низовые организации. Для предотвращения возможных центробежных тенденций и упрочения внутрикооперативных отношений К.Г. Петунин предложил сохранить элементы старой политики, обеспечивающей

успешность и стабильность в работе. Центросоюз сохранял свое влияние за счет выдачи аванса на заготовки низовым кооперативам и губсоюзам на основе соответствующего договора, предусматривавшего за центром права свободного маневрирования товаром, который поступил на комиссионную продажу.

Судьбу большинства членов правления Закупсбыта, оставшихся в России, оказалось возможным проследить только по отрывочным упоминаниям в архивных документах. При поиске материалов к сборнику по истории Закупсбыта в музее истории Новосибирского облпотребсоюза удалось выявить автобиографию первого председателя правления Закупсбыта В.Н. Остальцева, заполненную лично от руки в декабре 1925 г. [8, с. 59–62]. Дальнейшая судьба этого выдающегося организатора потребительской кооперации оставалась неизвестной. Вновь открывшиеся факты показывают, что на излете своей служебной карьеры В.Н. Остальцев заведовал музеем истории Центросоюза. Он, как другие профессионалы высшей категории, к которым относились бывшие члены правления Закупсбыта К.Г. Петунин, П.И. Швейцер, К.И. Бажутин и другие, находился на высоких управленческих должностях в системе Центросоюза вплоть до 1930 г.

Но, занимаясь ответственной хозяйственной работой, опытные кадры старой школы находились под постоянным наблюдением политического руководства, и прежде всего органов ОГПУ, которые готовили информационные отчеты, содержащие политические оценки кадрового корпуса не только на краевом и губернском уровне управления, но и в низовой кооперативной сети. В информационном обзоре ОГПУ за апрель 1924 г. отмечалось, что в Сибири (Томская, Енисейская и Иркутская губернии) кулачество стало создавать "дикие" кооперативы с участием бывших эсеров и работников старой сибирской кооперации [15, с. 197]. На основе представленных материалов разрабатывались конкретные рекомендации по

Здание Облпотребсоюза (Сибкрайсоюз)
Объявлен объектом наследия.

регулированию социального состава кооперации, укреплению руководящих органов партийными кадрами.

Органы ОГПУ через особые отделы в кадровых службах контролировали перемещения руководящих работников и технического персонала. Как свидетельствует переписка руководства Сибкрайсоюза с органами полномочного представительства ОГПУ по Сибири за 1924г., все принимаемые на работу лица проходили проверку на благонадежность и получали соответствующий вердикт в форме короткой записки с грифом "совершенно секретно" [3, л. 78а]. Под особым контролем находилось руководство и члены правлений краевых и губернских кооперативных союзов. 30 июня 1924 г. полномочное представительство ОГПУ по Сибири направило в Сибкрайсоюз список руководящих кооперативных работников из 25 чел., состоявших в прошлом в мелкобуржуазных партиях. От Сибкрайсоюза требовалось давать их исчерпывающую характеристику, заблаговременно извещать о служебных командировках в другие города, фиксировать все случаи недоброжелательного отношения к властям, влияние на окружающих людей, симпатии сотрудников. Из старых кадров в списке значился только один человек – бывший член правления Закупсбыта К.И. Бажутин, получивший положительную характеристику: "В общественной жизни участия не принимает. К Соввласти и РКП(б) безусловно лоялен. Работник хороший". Позже в феврале 1927 г. К.И. Бажутин был лишен доступа к секретной переписке [3, л. 113; 4, л. 29].

В информационных материалах ОГПУ за 1927–1928 гг. социально-политическая квалификация кадрового корпуса остается осевой линией, и в незначительной степени дополняется оценками результатов хозяйственной деятельности руководителей, которые, по мнению экспертов экономического отдела, не совпадали с задачами социалистической модернизации. В докладе Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о политических настроениях и деятельности "антисоветских элементов" в аппарате Сибкрайсоюза, с которым 1 января 1928 г. ознакомился И.В. Сталин, сообщалось: "Всего имеется в аппарате СКС приблизительно 45 ответственных отраслей работы. Руководят самостоятельными отраслями работы: заведуют отделами, п[од]отделами, секциями и проч. 28 человек антисоветского элемента, в этом числе есть и члены правления. В этой группе имеются: б[ывших] членов антисоветских политпартий – 20, заподозренных в принадлежности к антисоветским политпартиям – 4, б[ывших] белых – 3 и антисоветски настроенных, состоящих у нас на учете – 1. Антисоветский элемент занимает 60% наличного числа ответственных должностей, дающих возможность самостоятельно руководить работой и проводить известную линию. Членов ВКП(б) на ответственных должностях состоит около 7 человек, 4 являются членами правления и 3 заведуют отделами и п[од]отделами. Остальные 10–11 ответственных

должностей, т.е. 27%, т.к. члены ВКП занимают 13%, заполнены беспартийными, среди которых также есть антисоветски настроенные лица" [14, с. 368].

Ответственность за комплектование кадров, как следует из документа, нес член правления Сибкрайсоюза эсер Бажутин, буржуазный кооперативный идеолог член правления Шилин и управляющий делами главной конторы эсер Ершов, блокирующийся с вышеуказанными лицами и подчиненный им по работе [14, с. 371]. Руководители старой кооперативной школы, несомненно, стремились содействовать комплектованию аппарата Сибкрайсоюза за счет ответственных и грамотных работников, которые по политической и социальной принадлежности не устраивали правящую партию, рекрутировавшую в систему кооперативного управления новобранцев "от сохи и лопаты". Представители старой и новой волны, совершенно очевидно, не могли испытывать взаимных симпатий, так как принадлежали к различным слоям общества и различались не только по уровню образования, но и психоментальным характеристикам. "В отношении сокращения "своих", – сообщалось в цитируемом выше документе, – антисоветский элемент отзывается отрицательно. Из ряда примеров приводим факт, характерный по содержанию: член ревизионной комиссии сотрудник заготсбытотдела главной конторы, состоящий у нас на учете антисоветского элемента, Киселев А.Ф. по поводу сокращения б[ывшего] белого офицера Кузечкина говорил: "Увольнение Кузечкина мы допустить не должны. Нужно принять все меры и отстоять. Следует через ревизионную комиссию воздействовать на местком. Разной шпаны теперь из Красной армии сколько угодно идет. Местком ополчился на Кузечкина только потому, что он бывш[ий] белый офицер, им обязательно нужно "красноперов". Они, "красноперые" (т.е. члены ВКП пред. месткома Данилина и др.), стараются устраивать на службу партийцев, несмотря на их пустые головы" [14, с. 372]. Прочитываем и другой характерный фрагмент текста: "Считая себя незаменимыми, занимающие руководящие должности эсеры и меньшевики живут сознанием своей якобы большой роли в советской кооперации. Особенно ярко это отобразил в своем выступлении эсер Шапшал. Он говорил: "Сибирская и вообще кооперация живет и развивается только благодаря руководству ею нас, эсеров и меньшевиков, сидящие в кооперации коммунисты кооперацией руководить не умеют, а подписывают только готовое, как, например, Стриковский и др. служат ничем иным, как мебелью, и если мы из кооперации уйдем, то она в непродолжительное время развалится, ибо коммунистам с ней не справиться" [14, с. 377].

Для справки, упомянутый Л.С. Стриковский являлся председателем правления Сибкрайсоюза.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. в руководящем кадровом корпусе сибирской потребитель-

ской кооперации более отчетливо обозначились два противоборствующих идеологических течения. Опорой государственной власти являлись члены ВКП(б), занимавшие высшие должности в структуре управления кооперативных союзов (председатели правлений и ревизионных комиссий) и являвшиеся проводниками официального идейно-политического и экономического курса. Кооператоры старой школы занимали доминирующие позиции в среднем звене управления. Являясь руководителями ведущих отделов, они занимались реальной хозяйственной работой на основе рыночных принципов. Именно это ключевое противоречие стало обостряться в связи с изменением государственной экономической политики, нацеленной на мобилизацию ресурсов для проведения промышленной модернизации. Кооператорам стали приписываться враждебные действия в хозяйственной работе, приводящие к затовариванию продукции на складах, разбазариванию кооперативных средств, несвоевременному снабжению населения нужным ассортиментом товаров, игнорированию потребностей хлебозаготовительной кампании и невыполнению директивы правительства о снижении административно-хозяйственных расходов.

Органы ОГПУ стали все активнее вмешиваться в кадровую политику, чем в значительной степени объяснялась высокая текучесть руководящего персонала. Согласно сведениям, представленным в секретную часть учетно-распределительного отдела Центросоюза 23 января 1929 г., основная часть из 19 номенклатурных работников Сибкрайсоюза состояла в должности с 1928 г., т.е. имела стаж работы до одного года. Из кадров с дореволюционным стажем работы статус члена правления Сибкрайсоюза сохранил только К.И. Бажутин [5, л. 28]. Это свидетельствовало о крайне нестабильном положении кадров кооперативного управления.

В конце 1920-х гг. в связи с развернувшейся коллективизацией деревни и ускоренной индустриализацией обозначились крупные социальные перемены, вызвавшие напряженность в обществе. Для масштабной социальной инженерии аппаратно-канцелярских методов регулирования кадровых вопросов было недостаточно – требовались поддержка снизу и широкая социальная опора. В соответствии с решениями XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23–29 апреля 1929 г., была образована Центральная комиссия по чистке советского аппарата. 2 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление и утвердили инструкцию, разработанную Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции, ставшую правовой основой деятельности комиссии по чистке аппарата. Свою работу комиссия осуществляла через специально созданные рабочие бригады, включавшие в свой состав представителей администрации, общестественности, рабочих с предприятий. К работе комиссий по чистке аппарата подключались партийные группы,

ячейки и фракции ВКП(б) кооперативных союзов, органы рабоче-крестьянской инспекции, инструкторский персонал.

Основной целью чистки аппарата провозглашались выявление и удаление из кадрового корпуса "классово-чуждых и бюрократических элементов", улучшение и перестройка управления в соответствии с новыми задачами. К "социально-враждебным элементам" относились бывшие крупные частные собственники, белые офицеры, служители культа, часть предпринимателей в мелкой промышленности и торговле, которые были лишены права участвовать в политической жизни по конституции 1924 г.

С первой половины 1930 г. началась активная фаза работы комиссий по чистке кооперативного аппарата, что отрицательно сказалось на хозяйственной деятельности потребительской кооперации. На заседании коллегии СибРКИ 14 мая 1930 г. после обсуждения доклада "О результатах чистки аппарата Сибкрайсоюза" в постановляющей части констатировалось: "Рабочие бригады в момент обследования (февраль) отмечали неудовлетворительность хода заготовок вследствие слабой подготовленности, недостатка руководства со стороны СКС, что в известной мере отражалось на выполнении планов по наиболее важным заготовкам, так по хлебофуражу на 1/IV выполнено 74,2% плана, по пушнине – 55,5, пеньке – 56, утилю за 5 мес[яцев] – 18,5% от плана" [12, с. 237]. Но отмечая существенные недостатки в работе аппарата Сибкрайсоюза, коллегия СибРКИ не подвергла резкой критике хозяйственную деятельность. Постановляющая часть носила общий рекомендательный характер. Состав аппарата управления, по заключению комиссии, обладал "сравнительно небольшой прослойкой чуждых элементов". Среди служащих, на которых приходилось две трети (66,6%) сотрудников аппарата, 6,3% являлись бывшими белыми офицерами, 0,88% – дворянами и 1,17% – торговцами, итого – 8,35% [12, с. 237]. Но для политического руководства процент "чуждых элементов" оказался достаточным, чтобы подойти к следующему этапу уголовного преследования кооперативных кадров.

Одновременно кампания по чистке проходила в московском представительстве Сибкрайсоюза и в целом в аппарате управления Центросоюза. О характере, методах и целях чистки позволяют судить документы фонда "Центральной комиссии по чистке советского аппарата НКРКИ" Государственного архива Российской Федерации [6]. Источники позволяют раскрыть механизмы реализации государственной политики, приведшей к подавлению рыночного потенциала российской потребительской кооперации. По результатам деятельности рабочих бригад специальной комиссией была подготовлена докладная записка "Об итогах чистки аппарата Центросоюза" от 13 июня 1930 г., которая легла в основу решения Президи-

ума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР [6, л. 3–23 об.].

В этом документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза, в первую очередь, с точки зрения политической лояльности по отношению к советской власти. При оценке руководителей учитывалось дореволюционное прошлое, а также такие существенные критерии, как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. В документе содержится информация о выходах их сибирской потребительской кооперации.

П.И. Швейцер – бывший член правления Закупсбыта и коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. На момент прохождения чистки – член правления Центросоюза. Обладал информацией о заготовках рыбы в Астрахани через частных поставщиков и не принял мер по защите интересов Центросоюза, что дало основание причислить его к сторонникам теории здорового частника [6, л. 15].

К.Г. Петунин – видный и активный деятель РСДРП (меньшевик) в 1905–1918 гг., член правления Закупсбыта в 1916–1920 гг., в начале 1920-х гг. – член коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза, с 1922 г. – член правления Центросоюза. В 1929–1930 гг. – заведующий финансовым отделом Центросоюза. Выступал в защиту финансовых интересов системы Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств. Выдвигал и защищал идею создания Покобанка (банка потребительской кооперации), преследуя цель создания замкнутого хозяйства потребительской кооперации. Госбанк, по его мнению, мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе [6, л. 9 об., 10 об.].

В сущности, руководящие кооперативные работники защищали корпоративные хозяйственные интересы от поползновений государства, и в этом их поддерживала часть партийно-профсоюзного актива Центросоюза. В докладной записке отмечалось, что в ряде организаций местный актив встал на сторону проверяемых. Эта позиция квалифицировалась как скрытое сопротивление, стремление замазать провалы, вскрытые рабочими бригадами. Руководители партийной ячейки Центросоюза выступали против "жестких методов" чистки. А правление и ревизионная комиссия Центросоюза дистанцировались от проводимой кампании и не представили рабочим бригадам никаких компрометирующих материалов.

Но после соответствующей идеологической проработки многие партийно-профсоюзные активисты изменили свою позицию. "Лишь после того, как комиссия по чистке в процессе своей работы со всей решительностью ударила по враждебным и гнилым элементам в аппарате, – говорилось в документе, – среди служащих произошло

расслоение, в результате чего лучшая часть служащих во главе с новым руководством месткома переключилась на активную действенную помощь рабочим бригадам и комиссиям по чистке. Однако часть аппарата, в том числе и ряд партийцев, продолжали проявлять к чистке нетерпимое отношение, частично мешали чистке, брюзжали, окрыляя тем самым бюрократические элементы аппарата" [6, л. 4].

Заключение комиссии по чистке аппарата Центросоюза не оставляло сомнений в том, что проверяемые руководители, не прошедшие испытания на политическую лояльность к властям, признавались и профессионально не пригодными. "Проводником линии потворства и особого благоприятствования частнику являлись, главным образом, бывшие противники Советской власти и партии (меньшевики, эсеры) – люди, побывавшие у Колчака, и, наконец, политически беспринципные чиновники, лишённые собственной инициативы в хозяйственно-оперативной работе, лжеспециалисты, торгаши и деляги. <...>

Обнаруженные в процессе проверки аппарата Центросоюза прорывы на важнейших участках и крупные недочёты в работе в значительной степени объясняются чрезвычайной засорённостью аппарата чуждыми и враждебными элементами, извращающими классовую линию, не понимающими и не способными осуществлять задачи, возложенные на потребкооперацию в условиях реконструктивного периода" [6, л. 16].

В начале 1931 г. накопленный в органах государственной власти компрометирующий материал о кадрах кооперативного управления в центре и на местах был передан в судебно-следственную систему. Члены правления Центросоюза К.Г. Петунин и П.И. Швейцер были осуждены по процессу над "Созным бюро РСДРП (меньшевик)", прошедшим в Москве 1–9 марта 1931 г. [9].

В Новосибирске развернулся не менее громкий процесс "О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Государственном банке", по которому проходило 14 чел. из аппарата Сибкрайсоюза, 5 чел. из Госбанка, 1 чел. из Сибплана, 1 чел. из Запсибсельстроя, всего – 21 чел. Впервые о процессе упомянуто в публикации Л.Н. Воробцовой [2, с. 242]. Многие фигуранты попали уже в 1920–1921 гг. в поле зрения органов ОГПУ, по сведениям которого в Новониколаевске в губернских органах управления насчитывалось 19 чел. меньшевиков и эсеров, в том числе 13 чел. в кооперации. В коллегию Сибирского отделения Центросоюза входили Муравьев и П.И. Швейцер. Отделы возглавляли Д.Н. Новицкий, К.А. Бреде, А.М. Батраков, С.Е. Пузырев, И.К. Кунин, ответственным секретарем работал М.С. Кожухов [7, с. 22, 23].

В настоящее время дело "О контрреволюционной

вредительской организации в Сибпотребкооперации и Государственном банке" рассекречено и находится на хранении в архиве Управления ФСБ по Новосибирской области. Материалы сгруппированы в 4 тома. Следствие вело 4-е отделение экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

Общие хронологические рамки документов архивного дела охватывают период с 1925 г. по 1995 г., включая конкретную делопроизводственную документацию за отдельные годы, в том числе:

- ◆ непосредственно следственного процесса за январь–июнь 1931 г.;
- ◆ материалы, приобретенные к следствию, за 1925–1935 гг.;
- ◆ документы о реабилитации за 1990-е гг.

Следственные действия ОГПУ развернулись в январе 1931 г. Первым был арестован и допрошен И.В. Васильев, позже всех, в апреле – П.И. Москалев и К.И. Бажутин, который на момент вынесения первого обвинительного заключения 19 апреля 1931 г. арестован не был. Следствие по каждому члену "организации" длилось 2–3 месяца, за исключением следствий по делам И.В. Веселкова, В.П. Каретникова и П.А. Гречанина (4 месяца).

В результате следствия, как явствует из обвинительного заключения, им были предъявлены первоначальные обвинения:

И.В. Васильеву – "...преступление по 58–7 ст. УК, выразившееся в том, что, будучи руководителем ответственного участка работы Сибирской Потребкооперации – товароснабжением, проводил вредительство в своей работе, группируя вокруг себя своих единомышленников <...> В результате этой вредительской деятельности явилось: замедление товарооборота, задержка товарных фондов, рост остатков товаров на базах и в системе; засылка неходовых и несезонных товаров в систему, создание искусственных товарных депрессий в одних районах при товарном голоде в других".

К.И. Бажутину – "<...> преступление по 58–7 ст. УК, выразившееся в том, что он осуществлял вредительство, направленное к срыву развития отдельных отраслей народного хозяйства, в частности кооперации <...> Являясь членом контрреволюционной вредительской организации в Сибкрайсоюзе, занимался дезорганизацией финансового хозяйства кооперации; совершал вредительские акты по иммобилизации собранных средств кооперации, срыву мобилизации ее ресурсов и средств населения, одновременно проводя изъятие излишних средств

государства в виде банковских кредитов, поддерживал связь с вредительской группой Сибконторы Госбанка".

М.В. Скворцову в составе группы из 9 чел. инкриминировалось "<...> преступление по ст. 58–7 УК, выразившееся в том, что осуществлялась вредительская деятельность и срыв товароснабжения в крае, его планирования и финансирования".

В соответствии с судебным решением коллегии ОГПУ от 23 августа 1931 г. Васильев Иван Васильевич и Бажутин Киприян Иванович были приговорены к заключению в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на пять лет, Скворцов Михаил Васильевич – к высылке через Полномочное представительство ОГПУ в Казахстан сроком на три года [1, т. 4, л. 138–140].

Таким образом, можно констатировать, что в аппарате управления Центросоюза и Сибкрайсоюза вплоть до 1930 г. имелась достаточно сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности, в том числе выходцы из сибирской кооперативной школы управления. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение высоких управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда был взят курс на установление системы жесткого централизованного планирования и отказ от рыночных методов работы опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров.

Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения для модернизации промышленности за счет снижения реальной заработной платы у рабочих, экспроприации мелкой частной собственности в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. На уровне официальной политики цели государства были закамуфлированы в стандартные идеологические упаковки, не предусматривающие снижения материального благосостояния населения. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., напротив, сформулировал задачи по повышению реальной заработной платы рабочих, усилению обслуживания общественного сектора сельского хозяйства, лесозаготовок и лесосплава, весенней путины, посевных кампаний, промышленных новостроек [6, л. 3]. Но реально одновре-

менное решение задач по модернизации промышленности и подъему уровня жизни населения были невыполнимы, тем более в условиях враждебного внешнего окружения.

Постановка нереальных задач оказалась действенным идеологическим инструментом для проведения кад-

ровой чистки в аппарате управления потребительской кооперации. С потерей квалифицированного кадрового корпуса советская потребительская кооперация окончательно утратила навыки и опыт работы в рыночных условиях, что крайне болезненно сказалось на деятельности современной российской кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 19303. Т. 1–4.
2. Воробцова Л.Н. Городской голова Новониколаевска В.И. Жернаков (новые материалы) // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVI–XX веков. Новосибирск: б.и., 1998. С. 123–128.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО), Ф.Р–42. Оп.2. Д. 16.
4. ГАО. Ф. Р–42. Оп. 2. Д. 23.
5. ГАО. Ф. Р–42. Оп. 2. Д. 323а.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–8341. Оп. 1. Д. 587.
7. Добровольский А.В. О нелегальной деятельности социал–демократов и эсеров Новониколаевска накануне и в начале нэпа // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995. Ч. II. Экономическое, демографическое и общественно–политическое развитие нашего края в XX веке. С. 21–23.
8. Закупсбыт. Хронико–документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. (1916–1923). Новосибирск: Наука, 1999. 327 с.
9. Большевикский процесс 1931 г.: сб. документов: в 2 кн. М.: Политехника, 1999. Кн. 1. 678 с.
10. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск: б.и., 2000. 140 с.
11. Николаев А.А. Проблемы кооперативной торговли и экспорта льна в условиях нэпа // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 84–90.
12. Николаев А.А. Документы о чистке аппарата управления потребительской кооперации в Сибири в 1930 г. // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. трудов. Вып. 5. Новосибирск: б.и., 2006. С. 235–246.
13. Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ). Ф. 588. Оп. 11. Д. 120.
14. Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.). Новосибирск: Сибпринт, 2012. 560 с.
15. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2000. Т. II: Советская деревня глазами ОГПУ. 1923–1929. 1167 с.
16. Файн Л.Е. Военно–коммунистический эксперимент над российской кооперацией (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 25–41.

© А.А. Николаев, (agronicol@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

